Борис Дмитриевич Греков

КИЕВСКАЯ РУСЬ

Концептуал
Москва
2025

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

После опубликования последнего издания книги «Киевская Русь» (1949) академик Б. Д. Греков продолжал работать над вопросами возникновения и развития феодализма и образования Древнерусского государства с центром в Киеве. В ряде статей, а также во втором исправленном и дополненном издании монографии «Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в.» (книга первая, М., 1952) Б. Д. Греков значительно уточнил и развил свою концепцию истории феодальных отношений в Древней Руси. Незадолго до своей смерти Б. Д. Греков начал работать над подготовкой к новому изданию книги «Киевская Русь». Последовавшая 9 сентября 1953 г. смерть автора оборвала проведение этой работы.

В настоящем издании использованы поправки Б. Д. Грекова к тексту последнего издания «Киевской Руси», сохранившиеся в архиве автора, соответствующие главы второго издания работы «Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века», а также статьи по истории Древней Руси, написанные Б. Д. Грековым для «Очерков истории СССР периода феодализма (IX–XIII вв.)», ныне выпущенных в свет Институтом истории Академии наук СССР.

В качестве приложения в данном издании книги «Киевская Русь» помещены близкие к ней по своей теме четыре работы Б. Д. Грекова, ранее опубликованные в периодической печати: «Генезис феодализма в России» («Вопросы истории», № 9, 1952); «„Русская Правда“ и её славянское окружение» («Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, № 2, т. IX, 1952); «Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута» («Вопросы истории», № 8, 1951); «Антинаучные измышления финского „профессора“» («Литературная газета», № 46, 1950).

I
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чем объяснить хорошо известный факт, что русский народ в своём былинном эпосе отводит самое видное место именно «киевскому периоду» своей древней истории? Это не может быть случайностью. Народ, переживший на протяжении своей истории много и тяжёлых, и радостных событий, прекрасно их запомнил, оценил и пережитое передал на память следующим поколениям. Былины — это история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки, объясняемые тем, что опоэтизированные предания не записывались, хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста, иногда заменялись аналогичными более поздними фактами, но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим.

Нетрудно убедиться в том, что нередко историки, игнорирующие или неправильно понимающие народные оценки важнейших фактов своей истории, делали крупные ошибки.

Народное предание правдиво и искренно, потому что это голос подлинной жизни.

Л. Майков в своей специальной работе «О былинах Владимирова цикла»[1] совершенно правильно отметил, что русский народный эпос по своему содержанию соответствует нескольким, постепенно сменявшимся периодам исторической жизни, и отражает в себе более или менее полно быт и понятия каждого периода. Тот же автор отметил, что только «киевский период» своей истории народ заполнил героями-богатырями[2].

В. О. Ключевский в своём курсе русской истории тоже подчеркнул это специфическое отношение былинного эпоса к «киевскому периоду». Он совершенно верно подметил, что народ помнит и знает старый Киев с его князьями и богатырями, любит и чтит его, как не любил и не чтил он ни одной из столиц, сменивших Киев.

Пока оба названных автора не расходятся с оценкой «киевского периода» самим народом, они рассуждают совершенно правильно. Расхождение с этой оценкой влечёт их к явным и досадным недоразумениям.

Так, Л. Майков думает, что былины вспоминают «киевский удельный период древней Руси в том цикле, который группируется около Владимира», и «умалчивают о междоусобиях между князьями», в то время как «по летописям именно удельные распри и были главными причинами княжеских переездов и войн»[3].

---

[1] *Л. Майков*, О былинах Владимирова цикла, СПБ, 1863.

[2] «Напротив того, герои других циклов почти никогда не называются богатырями». *Л. Майков*, цит. соч., стр. 1, примечание.

[3] *Л. Майков*, цит. соч., стр. 1 и 62.

Ключевский говорит о том, что «в старой киевской жизни было много неурядиц, много бестолковой толкотни»; «„бессмысленные драки княжеские“, по выражению Карамзина, были прямым народным бедствием»[1], т. е. и Ключевский, так же как и Майков, не отделяет период существования Древнерусского государства от периода феодальной раздробленности.

В былинах этого смешения нет.

Народ более точно наметил основные вехи периодизации своей истории. Не бестолковую толкотню и бессмысленные драки воспевал он в своих былинах. Время беспрерывных феодальных войн, время «всеобщей путаницы» наступило позднее, и в былинах этот период не отражён: героев-богатырей тогда уже не стало. Этот период нашей истории нашёл свою оценку не в былинах.

В знаменитом «Слове о полку Игореве» мы читаем следующие правдивые и яркие строки: «Тогда, при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; в княжих крамолах веци человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедне». «А погании со всех стран прихождаху с победами на землю Рускую»[2]. Так же смотрел на дело и летописец конца XI века, сравнивая своё настоящее с недавним прошлым: «... древнии князи и мужие их... отбараху Руския земли и ины страны придаху под ся», а сейчас «за наше несытство навел бог на ны поганыа, а и скоты наши и села наша и имения за теми суть»[3].

И автор «Слова о полку Игореве», и летописец одинаково осуждают период разрозненного существования частей ещё недавно единого, под давлением успехов феодализации раздробившегося Древнерусского государства. Народ в своих оценках событий прошлого выделил не этот период беспрерывных междукняжеских войн и слабости перед врагом внешним, а время Древнерусского государства, время своего величия и силы. Народные симпатии обращены к тому времени, когда Русская земля, собранная под властью первых киевских князей из восточнославянских племён и некоторых неславянских этнических элементов в одно политическое целое, действительно представляла силу, грозную для врагов и в то же время дававшую возможность развитию мирного народного труда, — залог дальнейшего будущего страны.

Под «киевским периодом» истории ни в коем случае нельзя разуметь «период уделов» с его разобщённостью отдельных княжений и княжескими усобицами, как это делают и Л. Майков, и отчасти В. О. Ключевский. Время уделов нельзя называть киевским хотя бы по той причине, что Киева как политического центра уже тогда не было, он стушевался и решительно затерялся среди других местных центров. Напрасно В. О. Ключевский думает, что это было время, когда «киевлянин всё чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце, и все вместе — о Рус-

---

[1] *В. О. Ключевский*, Курс русской истории, ч. I, 1937, стр. 204.

[2] «Слово о полку Игореве», М. — Л., 1950, стр. 16, 17.

[3] Новгородская I летопись, СПБ, 1888, стр. 2; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М. — Л., 1950, стр. 104.

ской земле, об общем земском деле». На самом деле эти отношения между уделами складывались не совсем так. Совсем не такую картину рисует нам глубокий знаток современных ему политических отношений, великий наш поэт, автор «Слова о полку Игореве»; летописные факты тоже говорят совершенно о другом. Если можно говорить в это время о единстве русского народа, то лишь в смысле этническом, в смысле памяти об общерусских исторических переживаниях, никогда не забываемых и продолжавших служить связующим цементом, несмотря на политическое разъединение.

Русская народная масса, где бы она ни находилась, какой бы власти она ни подчинялась, не забывала никогда своей этнической общности, но политического единства, хотя бы в относительной форме Древнерусского государства, в это время уже не было.

Все симпатии народа, выраженные им в былинах, относятся именно к Древнерусскому государству, к моменту его расцвета, т. е. ко времени княжения Владимира Святославича прежде всего.

Чтобы убедиться в этом, стоит только взять в руки былины о главных русских богатырях: Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алёше Поповиче и др. Все они современники князя Владимира, все они так или иначе с ним связаны, вместе с ним успешно выполняют основную задачу — защиту своей родной земли от внешнего врага. А почему это так, почему народ с явными симпатиями отнёсся к этому времени, станет нам ясно, если мы дадим себе труд сопоставить условия жизни русского народа периода до образования Древнерусского государства со временем существования этого государства.

«Славяне и анты, — говорит Прокопий, — не управляются одним человеком (πρὸς ἀνδρὸς ἑνός), но с давних времён живут в демократии (ἐν δημοκρατᾳ), и потому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим»[1]. То же подтверждает и Маврикий Стратег. Этот последний нам особенно интересен потому, что изучает славян с определённой целью: он интересуется их военной силой с тем, чтобы сделать отсюда ряд практических выводов для Византийской империи. Он пишет: «Не имея над собою главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя…».

«Если среди них много предводителей (ῥηγῶν, лат. rex) и нет между ними согласия, неглупо некоторых из них привлечь на свою сторону обещаниями или подарками, особенно тех, которые находятся поблизости от наших границ, и нападать на других, чтобы не все прониклись (к нам) враждой или не стали бы под власть одного вождя»[2].

Маврикий советует принимать меры к тому, чтобы славяне не объединились под одной властью, так как такое объединение, несомненно, усилило бы мощь славян и сделало бы их не только способными к самозащите, но и опасными для соседей, и прежде всего для самой Византии.

---

[1] *Procopii*, De bello Gothico, III, 14.

[2] *Mauricii*, Strategici, XI, 5.

Древнерусское государство как раз и осуществило то, чего так боялся византийский политик. Под власть Киева были втянуты все восточнославянские и многие неславянские племена. Древнерусское государство стало в полной мере обороноспособным и грозным для своих соседей. Вражда племенных вождей (ῥῆγες) прекратилась, появились условия для дальнейшего развития страны. Это, несомненно, важное достижение. Русский народ не случайно так хорошо запомнил этот период своей истории.

Очень важно обратить внимание ещё на одно обстоятельство: былины Владимирова цикла, т. е. былины о Киеве и «киевском периоде» истории нашей страны, сохранены для нас не украинским, а великорусским народом. Они поются в бывших Архангельской, Олонецкой и Пермской губерниях, в Сибири, в Волжском низовье, на Дону, т. е. там, где русскому народу жилось легче, где гнёт крепостного права был слабее либо его совсем не было. И этот интерес к своему далёкому прошлому среди великорусского народа, эта заслуга сохранения ценнейших и древнейших фактов из жизни народной говорит нам о том, что история Киевской Руси не есть история только украинского народа. Это период нашей истории, когда складывались и великорусский, и украинский, и белорусский народы, период, когда выковывалась мощь русского народа, период, который, по выражению Ключевского, стал «колыбелью русской народности». Совсем не случайно Илья, крестьянский сын из села Карачарова близ города Мурома, идёт через «Вятические леса», преодолевая все опасности, в стольный Киев-град к князю Владимиру. Несмотря на имеющиеся в нашей литературе попытки представить дело иначе и в Муроме видеть черниговский город Моровск, а в селе Карачарове — черниговский же город Карачев, былинная правда остаётся непоколебленной и подтверждается новыми соображениями. Соловей-разбойник, его товарищ Скворец, Дятловы горы, на которых построен был мордовский город Ибрагимов или Абрамов, разрушенный в начале XIII века и заменённый русским городом Нижним (Горький), — всё это говорит о мордовских городах, носивших названия от имён птиц. В Мордовской земле мы очень рано видим славянские поселения и среди них город Муром, один из старейших городов. Связь этого края с Киевом несомненна. Она подтверждается и летописными данными.

Итак, Киев — центр большого государства. Власть Киева простиралась на далёкие пространства вплоть до бассейна Оки и Волги. Это целый период в истории Восточной Европы.

История Древнерусского государства — это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны.

Само собой разумеется, что политические успехи народов, вошедших в состав Древнерусского государства, — и прежде всего восточных славян, т. е. народа русского, которому бесспорно принадлежала в этом процессе ведущая роль, — стали возможны только при известных условиях внутреннего их развития. Было бы очень

наивно думать, что объединение восточного славянства и неславянских народов под властью Киева есть результат какого-либо внешнего вмешательства.

Прежде чем произошло это объединение, народы нашей страны успели пережить очень многое, успели достигнуть значительных результатов в области экономики и общественных отношений. Все эти проблемы экономического, общественного и политического развития восточноевропейских народов, и прежде всего восточного славянства, сложные и трудные, совершенно естественно привлекали всегда внимание всех интересовавшихся историей нашей страны, а сейчас они поставлены перед нами с ещё большей остротой. Их актуальность не требует доказательств: без решения этих задач нельзя получить правильного представления о русском историческом процессе в целом.

Факт серьёзных разногласий между исследователями этих вопросов объясняется прежде всего различием методологии исторического исследования. Играет здесь роль и то, что для столь отдалённой поры в нашем распоряжении имеются либо скудные, либо неясные и неточные сведения. С другой стороны, все эти вопросы, несмотря на то что они касаются такого отдалённого от нас времени, имеют и имели не только чисто академическое значение, и поэтому вокруг них шла острая борьба, обусловленная национальными и политическими позициями участвовавших в ней лиц.

С тех пор как эти вопросы сделались предметом научного (в самом широком понимании термина) исследования, они стали вызывать бурный интерес и восприняты были с большой горячностью. Труд академика Миллера «О происхождении имени и народа Российского», где автор, несомненно, позволил себе умалить роль русского народа в образовании государства и его древней истории, Ломоносов встретил более чем энергичным отпором. «Мне так чудно, — пишет Ломоносов, — что если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал столь бедным народом, каким ещё ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»[1].

Та же страстность полемики наблюдается и позднее. В 70-х годах XIX века у Гедеонова, автора книги «Варяги и Русь», вырываются по адресу норманистов достаточно резкие суждения. «Неумолимое норманское veto, — пишет он, — тяготеет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной старины». «Но кто же, какой Дарвин вдохнёт жизнь в этот истукан с норманскою головою и славянским туловищем?»[2] Подобных примеров можно привести много.

Неудивительно, что в полемику по жгучим вопросам древнейшего периода нашей истории внесено было столько темперамента.

Я не успокаиваю себя тем, что мне удалось полностью распутать этот сложный узел. Мне хотелось только сделать попытку использовать ряд достижений в нашей науке по данному предмету и подвести им некоторые итоги. Мне хотелось по мере

---

[1] *М. В. Ломоносов*, «Репорт», 16 сент. 1749 г. (*Билярский*, Материалы для биографии Ломоносова, СПБ, 1865, стр. 760).

[2] *С. Гедеонов*, Варяги и Русь, ч. I, СПБ, 1876, стр. VII и X.

сил критически подойти к различным сторонам общественной жизни нашего далёкого прошлого, проверить показания различных источников, письменных и неписьменных, путём перекрёстного их сопоставления и, таким образом, попытаться найти ответы на вопросы, поставленные современностью.

Вполне понятную для древнейшей поры нашей истории скудость письменных источников наша советская наука пытается восполнить путём привлечения к решению стоящих перед нею задач и новых самых разнообразных материалов. Это — памятники материальной культуры, данные языка, пережитки самого русского народа, а также пережитки и быт народов Союза ССР, ещё недавно стоявших на низших ступенях общественного развития, и др. Но и расширение круга источников всё же ещё не даёт нам возможности полностью разрешить стоящие перед нами проблемы и проникнуть в покрытое мраком далёкое прошлое.

Археология при всех своих больших успехах, особенно за последнее время, всё же в силу специфичности своего материала и методов его изучения часто бессильна ответить на ряд стоящих перед нами вопросов; лингвистика не только ограничена в своих возможностях, но далеко не всегда даёт нам даже то, что может дать. Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но тем не менее и этого недостаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность.

Нельзя себя утешать и тем, что с момента появления письменных памятников положение историка делается совершенно иным, что письменные источники способны окончательно вывести нас из области более или менее обоснованных предположений. Во-первых, столица Древнерусского государства подвергалась нескольким крупным разрушениям, почему и письменных источников по истории Киевской Руси сохранилось очень мало; во-вторых, письменный источник, особенно если он относится к столь далёкому прошлому, имеет свои особенности, требует специального подхода и далеко не всегда гарантирует возможность решения спорных вопросов, исключающего вполне законные сомнения.

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, делающие наши исторические выводы в значительной мере условными, ни одно поколение историков не отказывалось погружаться в дебри сложных туманностей и искать в них истоки тех общественных явлений, которые никогда не переставали и едва ли когда-нибудь перестанут волновать человеческую мысль. Это не любопытство, а потребность.

В настоящих очерках рассматриваются общественные и политические отношения древней Руси главным образом в тех рамках, в каких это позволяют прежде всего наши письменные источники. Другие виды источников привлекаются лишь отчасти и попутно.

Письменность появляется в отдельных обществах на довольно поздних ступенях их истории. Письменность у восточных славян появилась уже в классовом обществе, когда остатки родовых отношений бытовали в нём только в виде пережитков прошлого. Первые известные нам письменные памятники — договоры с греками, «правды», летописи — связаны с интересами общества, уже порвавшего связи с родовым строем.

Договор с греками 911 г. упоминает о письменных завещаниях[1], которые могли делать русские люди, жившие в Византии. Если здесь можно допустить, что русские люди, жившие в Византии, могли писать завещания не по-русски, а по-гречески, то в договоре 944 г. русская письменность подразумевается с гораздо большей вероятностью. Русский князь обязуется снабжать своих послов и купцов, отправляемых в Византию, грамотами, «*пишюче* сице: яко послах корабль селико» (курсив мой. — *Б. Г.*). Грамоты должны служить гарантией, что послы и купцы прибывают к грекам именно от князя русского и с мирными целями.

Последнее исследование академиком С. П. Обнорским языка договоров приводит автора к очень важному для истории выводу. Договоры 911 и 944 гг. отличаются один от другого по особенностям языка. Договор 911 г. пропитан болгаризмами, но писан он всё же языком русским; в договоре 944 г. черты русского происхождения дают себя чувствовать достаточно широко. Отсюда вытекает предположение, что перевод договора 911 г. сделан болгарином на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским правщиком; переводчиком договора 944 г. должен был быть русский книжник. Академик С. П. Обнорский приходит к убеждению, что оба перевода сделаны были в разное время (911, 944 гг.), приблизительно совпадающее со временем заключения самих договоров[2]. Наличие русской письменности в начале X века, таким образом, становится несомненным[3] (подробнее см. раздел VII).

Господствующие классы общества на всём значительном пространстве, занятом восточным славянством, во время составления используемых мною письменных памятников, т. е. в IX–XII веках, говорили приблизительно на одном языке — том самом, который мы можем видеть в этих памятниках, где он лишь несколько искажён последующими переписчиками, — имели общее представление о своих интересах и способах их защиты и довольно рано успели связать себя общностью религиозных верований с соседней Византией.

Само собой разумеется, что те крупные факты, с которыми нас знакомят письменные памятники, имеют свою собственную и часто очень длинную историю, о которой умалчивают эти источники. Самый характер некоторых памятников, конечно, исключает возможность требовать от них «историчности», поскольку они часто имели целью только зафиксировать определённый, иногда очень ограниченный комплекс явлений данного момента, носящий, как всякий подобный комплекс, следы отмирающих и вновь возникающих элементов, не всегда, однако, легко распознаваемых.

Только автор «Повести временных лет» ставил перед собой подлинную широкую историческую задачу, которая, нужно сознаться, остаётся не вполне разрешённой

---

[1] См. *А. А. Шахматов*, Повесть временных лет, т. 1, П., 1916, стр. 39; «Повесть временных лет», ч. I, М. — Л., 1950, стр. 28.

[2] См. *С. П. Обнорский*, Язык договоров русских с греками (Сб. «Язык и мышление», VI–VII, стр. 102–103).

[3] Очень интересно и убедительно пересматривает вопрос о начале письменности в России академик Н. К. Никольский (*Н. К. Никольский*, Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, Л., 1930).

и в настоящее время. Он хотел написать ни больше ни меньше как историю Древнерусского государства с центром в Киеве с древнейших времён: «Откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть». Летописец писал свой труд с определённой целью и в определённой политической обстановке. Ему нужно было показать в истории Киевской Руси роль княжеского «рода Рюриковичей». А. А. Шахматову удалось показать, что на первых страницах «Повести временных лет» мы имеем более позднюю переделку старых преданий о начале Русской земли[1].

Заранее можно сказать, что с летописной концепцией образования Русского государства нам придётся очень значительно разойтись не только потому, что у нас с автором летописи разные теоретические представления об обществе, государстве и историческом процессе в целом, но и потому, что, имея перед собой определённую задачу, летописец сделал соответственный подбор фактов, для него полных смысла, для нас часто имеющих второстепенное значение, и совсем пропустил мимо своего внимания то, что для нас сейчас имело бы первостепенную ценность. Кроме того, все наши летописцы были связаны волей заказчиков, каковыми обычно являлись князья. Заказчиком той летописи, которая имеется в нашем распоряжении, был Владимир Мономах.

Летописец, он же и редактор труда своего предшественника, поместил в конце своей книги заметку о самом себе: «Игумен Силивестр святаго Михаила написах книгы си Летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже чтеть книгы сия, то буди ми в молитвах»[2].

Какой заказ мог сделать Владимир Мономах своему историографу, догадаться нетрудно, если только мы сумеем правильно понять политическую обстановку момента.

Для этого нам совершенно необходимо сделать небольшой экскурс в область политических отношений второй половины XI и начала XII века. Нам необходимо, хотя бы очень бегло, познакомиться с людьми, делавшими тогда историю, с людьми, которые писали и для которых писалась тогдашняя история.

Уже в IX в. достаточно ясно определились черты феодальных общественных отношений. Дальнейшее развитие базиса на протяжении X–XI вв. требовало перестройки и формы государства. При активном содействии надстройки выросло и окрепло на местах крупное землевладение. Политическая роль землевладельческой знати сильно поднялась. Изменилась форма эксплуатации зависимого крестьянства. Совершенно чётко обозначились новые городские центры. В связи с этим настолько созрели и окрепли отдельные части Древнерусского государства, так выросли их собственные задачи внутренней и внешней политики, что киевский центр с киевским князем во главе не только перестал быть для них условием роста их богатства и силы, но в некоторых отношениях стал даже помехой дальней-

[1] *А. А. Шахматов*, Повесть временных лет, т. I, стр. XV, XXI и др.

[2] Лаврентьевская летопись, под 1110 г.; «Повесть временных лет», ч. I, стр. 188.

шему их развитию и выполнению их собственных политических целей. Призрак политического раздробления Древнерусского государства стал совершенно очевидным. Отдельные князья начинают чаще и чаще проявлять свои центробежные тенденции и в своих противоречивых по отношению друг к другу интересах сталкиваются между собой, делая, таким образом, неизбежными «усобицы». Но княжеские «усобицы» — это не единственная опасность, грозившая феодалам. Это время насыщено восстаниями народных масс в разных местах Древнерусского государства. Наконец, это время серьёзной опасности от врагов внешних.

Летописец, не склонный уделять много внимания массовым выступлениям, всё же отмечает движения 1068, 1071 и 1113 гг.[1] Последнее, по-видимому, было особенно сильным, и растерявшиеся представители господствующего класса киевского общества, вынужденные считаться с настроениями и требованиями восставших, настойчиво зовут на Киевский стол самого энергичного и властного из князей, Владимира Мономаха. Мы отчасти знаем, что́ киевская делегация говорила Владимиру Мономаху: она запугивала его дальнейшим разрастанием народного движения.

Итак, положение правящих кругов Киева, многочисленных русских князей, а также бояр, представителей церкви, купцов и ростовщиков оказалось сложнее и опаснее, чем они себе представляли. «Минули лета Ярославля», «стрелы по земле» уже были рассеяны. Во Владимире Мономахе растерянные верхи искали своего спасения. Владимир прибыл в Киев и стал действовать разнообразными средствами: в ход были пущены репрессии, компромиссы, обращение к общественному мнению. 12 лет сидения Владимира на Киевском столе воскресили времена, когда Киев стоял во главе государства и держал в руках власть, хотя характер власти Владимира был уже не тот, что у его отца или у Ярослава.

Несколько слов о Киеве, Владимире Мономахе, его деде и отце. Эти несколько слов рассчитаны исключительно на создание правильной перспективы, необходимой для оценки событий и участвовавших в них людей.

О Киеве конца X и начала XI века говорит Титмар как о большом городе, в котором было 400 церквей и 8 рынков и несметное множество народа. Адам Бременский во второй половине XI века называет Киев соперником Константинополя. Митрополит киевский Иларион в своём знаменитом «Слове» называет Киев городом, «блистающим величием». Лаврентьевская летопись под 1124 г. говорит, что в Киеве был грандиозный пожар, причём «церквий единых изгоре близ 600». Весьма вероятно, что здесь кое-что и преувеличено, но несомненно, во всяком случае, что Киев в XI веке — один из больших городов европейского масштаба. Не случайно так много внимания уделяют ему западноевропейские хронисты. Двор киевского князя хорошо известен во всём тогдашнем мире, так как киевский князь в международных отношениях к этому времени успел занять весьма определённое место.

Ярослав Мудрый находился в родственных связях с царствующими домами Англии, Франции, Германии, Польши, Скандинавии, Венгрии и Византии. Его дочь Анна была замужем за французским королём Генрихом I и активно участвова-

[1] Есть ещё неясный намёк и на 1091 г.

ла в политической жизни Франции. Её собственноручные подписи славянскими и латинскими буквами (Анна ръина, т. е. Anna regina, Aṅṅe, Agna regina) имеются на грамотах, выданных от имени малолетнего французского короля Филиппа I. Внучка Ярослава Евпраксия — Адельгейда Всеволодовна (1071–1109) была замужем за императором «Священной Римской империи» Генрихом IV. При дворе Ярослава жил изгнанник из своего королевства Олаф Норвежский, сын которого с русской помощью возвратил себе норвежский престол. При том же дворе жил и другой знаменитый викинг — Гаральд, после громких военных походов в Сицилию и Италию ставший королём Норвегии и сложивший свою голову в Англии. Он был женат на дочери Ярослава — Елизавете. Как видно из английских «Законов Эдуарда Исповедника», в Киеве у Ярослава нашли себе приют сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, изгнанные из Англии датским конунгом Канутом.

О брачных связях русских князей с польскими и чешскими речь будет идти дальше (разд. VIII). Эти брачные связи учитывались и вспоминались на Западе и значительно позднее[1]: в 1570 г. баварский купец Либенауер в своём проекте, поданном баварскому герцогу, указывая на выгоды союза с Москвой, вспоминает о браке Генриха IV с внучкой Ярослава[2]; герцог Монпансье в 1893 г. во время посещения киевского Софийского собора подчеркнул, что Ярослав — его предок по дочери своей Анне[3]. Неудивительно, что в этой обстановке дети Ярослава научились говорить на многих европейских языках. Нам хорошо известно, что Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, говорил на пяти языках. Всеволод был женат на греческой принцессе из дома Мономахов, его сын Владимир женился на дочери последнего англосаксонского короля Гите Гаральдовне, вынужденной бежать из Англии вследствие норманского вторжения.

Я не могу сейчас приводить многочисленные факты участия Киева в жизни ряда европейских государств и народов. Думаю, что и приведённые мною сведения, хотя и подобранные весьма однобоко, служат ярким показателем положения Киева в тогдашней Европе.

Таким образом, Владимир Мономах, к которому нам надлежит сейчас снова вернуться, жил в очень сложной, насыщенной общеевропейской политикой атмосфере.

Он понимал толк в литературе, о чём свидетельствует его «Поучение». Он очень хорошо знал и политическое значение летописи. По прибытии в Киев он уже застал здесь летопись, составленную монахом Киево-Печерского монастыря, но эта летопись Мономаха не удовлетворила.

Мы не знаем, что, собственно, не понравилось Владимиру Мономаху в этой летописи, почему он счёл необходимым переделать её и передать дело в другие руки и даже в другое, более близкое ему учреждение (из Печерского монастыря в Выдубицкий Михайловский монастырь, построенный отцом Владимира Всеволодом),

---

[1] Более подробный перечень брачных связей Киевского княжеского дома с европейскими царствующими домами см. *В. С. Иконников*, Опыт русской историографии, т. II, кн. 1, стр. 142–146.

[2] См. *Р. Ю. Виппер*, Иван Грозный, 1942, стр. 83.

[3] См. «Исторический вестник», № 3, 1894, стр. 885.

потому что эта старая летопись до нас не дошла, но зато мы можем догадаться, чего хотел Владимир Мономах от игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра.

Кажется, Сильвестр справился со своей задачей, т. е. правильно понял требования монарха. Владимир Мономах, во всяком случае, был доволен новым трудом и постарался выказать своё расположение к его автору: спустя два года он велел поставить его епископом своего наследственного города Переяславля, где Сильвестр и умер в 1123 г. Через его труд красной нитью проходит борьба с сепаратистскими тенденциями феодальной знати, стремление укрепить идею единства Русской земли, внедрить в сознание феодалов необходимость подчинения Киеву и киевскому князю.

Сильвестр пользовался трудами своих предшественников, где уже были даны некоторые схемы, полезные и для данного момента, нуждавшиеся только в некоторой переделке. Сильвестр мог прочитать в Новгородской летописи рассказ о том, как в Новгороде когда-то действовали варяги и «насилье деяху словеном, кривичем и мерям и чюди»[1], как эти угнетённые прогнали своих насильников и «начаша владети сами собе и городы ставити», как печально оказалось для них отсутствие сильной власти, когда после изгнания варягов они «всташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобица, и всташа град на град, и не беше в них правды»[2].

Мы, к сожалению, не знаем, что было написано по этому предмету в ещё более старой киевской начальной летописи, тоже не дошедшей до нас. Во всяком случае, Сильвестр в своём труде вычеркнул фразу Новгородской летописи о насилиях варягов, не поместил он также и рассказа о восстании новгородцев против Рюрика, но использовал из трудов своих предшественников только то, что казалось ему нужным и назидательным.

Сильвестр старается внушить своим читателям, что отсутствие твёрдой власти приводит к усобицам и восстаниям; восстановление этой власти («добровольное призвание») спасает общество от всяких бед; «спасителями» общества в IX веке по приспособленному к определённой цели преданию явились варяжские князья, в частности Рюрик; «Рюриковичи»-де выполняли эту миссию долго и успешно, и лишь в конце XI века снова повторились старые времена: «всташа сами на ся, бысть межи ими рать велика и усобица».

Призвание Мономаха в Киев, таким образом, летописцем оправдано. Отсюда следовал и логически правильный вывод: долг киевлян — подчиняться призванной власти, а не восставать против неё. «Усобица» слишком хорошо была известна киевскому обществу второй половины XI века.

Понятно, почему мы должны относиться к сообщениям и рассуждениям Сильвестра весьма и весьма осторожно. Если даже он и передал нам факты, насколько умел, добросовестно, то использовал их в своих целях, соответственно осветив их.

Мы очень хорошо понимаем, почему летописец, поставивший в заголовке своего труда тему о происхождении киевских князей, главное своё внимание отдаёт Новгороду и новгородским князьям, в частности легендарному князю Рюрику и его преемникам.

---

[1] Новгородская I летопись, 1888, стр. 4; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 106.

[2] Там же.

Увлечённый своей идеей и устремив всё своё внимание на север, южный летописец поскупился на факты этого периода своей южной Полянской истории. Летописец — по преимуществу историк княжившей при нём в Киеве династии.

Вполне понятно, что, исполняя свою задачу, он старался показать роль не только современных ему «Рюриковичей», но и далёких их предков, несомненно, стараясь изобразить их в привлекательных чертах, иногда полемизируя с более правдивыми и ходячими представлениями о сравнительно ещё не столь давнем прошлом, часто невыгодном для господствующего класса в целом и его верховного представителя в частности. Положение летописца довольно понятное. Не один русский Нестор или Сильвестр находился в подобном состоянии. Видукинд тоже, по-видимому, имел задачу облагородить происхождение власти англосаксонских королей и пользовался теми же приёмами. Бритты обращаются к своим легендарным князьям с совершенно аналогичной речью: «Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere»[1].

Имея перед собой центральную политическую задачу, летописец разрешал её при помощи доступных ему средств. И нужно прямо сказать, что средствами этими он пользовался по-своему далеко не плохо: он знает цену источнику, он умеет, хотя и своеобразно, но критически к нему относиться, умеет отделять то, что ему представляется главным, от второстепенного. Но он, конечно, человек своего времени, своей среды и хорошо понимает политическое значение своего труда. Он понимает политическую — в смысле международных отношений — обстановку момента и совершенно ясно проявляет тенденцию, которую можно характеризовать как поворот лицом к Византии с вытекающим отсюда следствием — затушёвыванием старых связей со ставшим сейчас (после разделения церквей) еретическим и проклятым Западом[2].

В распоряжении летописца находились письменные источники: греческие, западноевропейские, русские, а также предания, личные наблюдения как над окружающей его средой, так и над славянскими и неславянскими племенами, часто в своём развитии стоявшими ниже того общества, к которому принадлежал он сам. Он настолько справился со своей темой, что его схемы в основном господствовали в нашей науке до недавнего времени, а частично не лишены значения и сейчас.

Было бы, конечно, странно требовать от летописца ответа на стоящие перед нами научные проблемы, но для решения их мы не можем обойтись без его труда, этого единственного в своём роде произведения. Перед нами стоит труднейшая задача — разложить весь этот труд летописца на составные элементы и использовать их для собственных надобностей. Работа необычайной сложности. М. И. Сухомлинов, И. И. Срезневский, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов и М. Д. Присёлков, а в последнее время Д. С. Лихачёв пытались это сделать и, нужно отдать им справедливость, результатов достигли значительных, хотя далеко ещё не достаточных. Можно надеяться, что их продолжатели путём привлечения археологических и языковых материалов продвинут работу ещё дальше.

---

[1] *К. Н. Бестужев-Рюмин*, Русская история, т. 1, СПБ, 1872, стр. 98, примечание 3. («Землю обширную, пространную и полную всякого богатства передают вашей власти».)

[2] См. *Н. К. Никольский*, цит. соч.